

ЧЕЛОВЕК В ДУАЛЬНОМ МИРЕ ЭПОХИ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

MAN IN THE DUAL WORLD OF THE RUSSIAN ENLIGHTENMENT: A CULTURAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

V. Skopa
S. An

Summary: The article examines the variants of human duality, presents an analysis of the unity of opposing natural and social characteristics in the essence of the human individual in the philosophical texts of Russian enlighteners of the 18th century. The essence of man is not something abstract, it is concrete and historical. Man in different historical eras combines specific and typical features of each era. The era of Russian Enlightenment is characterized, first of all, by the general process of secularization of Russian culture, one of the most important signs of which was the formation of ethical and philosophical consciousness, the definition of the subject of ethics as a philosophical science, the conceptual structuring of moral consciousness.

Keywords: man, spirituality, Russian philosophy, duality, Russian Enlightenment.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Ан Светлана Андреевна

доктор философских наук, профессор, профессор, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Аннотация: В статье рассматриваются варианты дуальности человека; представлен анализ единства противоположных природных и социальных характеристик, в сущности, человеческого индивида в философских текстах русских просветителей XVIII века. Сущность человека не является чем-то абстрактным, она конкретно-исторична. Человек в различные исторические эпохи соединяет в себе специфические и типичные черты каждой эпохи. Для эпохи русского Просвещения характерен, прежде всего, общий процесс секуляризации русской культуры, одним из важнейших признаков которого стало становление этико-философского сознания, определение предмета этики как философской науки, понятийное структурирование морального сознания.

Ключевые слова: человек, духовность, русская философия, дуальность, русское Просвещение.

Начало нового тысячелетия, по мнению многих исследователей, характеризуется кризисом человека и общества, что обуславливает необходимость исследования человека не только как социально-природного, но и духовного существа, выявления его сути, места и значения, в том числе и в историческом измерении. Еще Бердяев Н.А. в своей работе «О человеке, его свободе и духовности» делал заключение о том, что «переживая агонию, человек хочет знать, кто он, откуда он пришел, куда идет и к чему предназначен» [2]. Сложность, динамичность сущности человека говорит о важности ее воссоздания в целостности и полноте проявлений в каждую историческую и культурную эпоху.

Сущность человека не является чем-то абстрактным, она конкретно-исторична, то есть содержание ее изменяется в зависимости от особенностей той или иной эпохи. С течением истории происходит трансформация сущности человека, соответственно, и понять ее вне исторического процесса невозможно. Вместе с тем нельзя сводить ее только к меняющемуся историческому процессу. Существуют некие постоянные, «вечные» моменты, определенный комплекс неизменных качеств, которые характерны для человека во все времена, сюда можно отнести пол, возраст, смертность и иные характеристики. Таким образом, человек в различные историче-

ские эпохи соединяет в себе специфические и типичные черты каждой из эпох.

Современная социокультурная ситуация в России складывается в условиях модернизации и обновления основных сфер жизни общества, обуславливающих, помимо остального, и необходимость поиска тех оснований в культуре, на которых возможно возрождение истинных ценностей исторического наследия поколений, а также укрепление духовных идеалов и национально-культурного самосознания.

В связи с этим необходимо самое пристальное внимание к историческому прошлому России, исследование наиболее значимых, переломных периодов в её эволюционном развитии. Без изучения этого прошлого невозможно понять настоящее со всеми его противоречиями и коллизиями, ответить на вопросы о смысле и способах человеческого бытия, о новых культурных тенденциях в развитии современного общества. Поэтому актуальность заявленной проблемы обусловлена, прежде всего, особой важностью результатов осмысления культур-философских и социокультурных коллизий рассматриваемого периода в истории России, оказавшего огромное влияние на всё дальнейшее понимание человека и его сущности.

Прежде всего, необходимо отметить, что в XVII веке в России происходили процессы, которые, по словам русского богослова Георгия Васильевича Флоровского, порождали «известные настроения», «шатание умов», «вольнодумство», протекали «в крайнем напряжении и в беспокойстве, в разногласии, в пререканиях и спорах» [13]. Этому способствовали как внешние, так и внутренние причины. К основным внутренним причинам относится, прежде всего, неспособность власти предотвратить процесс социальной деструкции, что неизбежно привело к стрельецким мятежам, городским восстаниям, казачьим выступлениям.

Итак, XVIII век – период активной секуляризации сознания, стремление понять глубину природной сущности человека и его бытие.

Может ли Господь Бог создать такой камень, который сам не сможет поднять? Вопрос старый. Это французы XVIII века резвились. Им, новоявленным атеистам, казалось, что таким простым вопросом они «сразили идею Высшей силы на корню» [1, 8]. Потому что Д'Аламбер, Д. Дидро и М.В. Ломоносов представляли Вселенную как самодвижущуюся материю (вещество) в никем не сотворённом пространстве и времени. И присутствие Бога в этом бескрайнем мире весьма сомнительно.

Дискуссиям философов эпохи русского Просвещения по секуляризации сознания, противопоставлению светского религиозному предшествовали дискуссии иосифлян и нестяжателей. Иосифляны обосновывали самоценность и «божественный характер» единоличной власти монарха. Оно требовало признания абсолютной ценности централизованной государственной власти, ради которой можно жертвовать другими ценностями: нравственными, культурными, а также жизнями отдельных людей. Для их идеологии отдельный человек – нечто второстепенное по сравнению с державным величием, легко заменимый винтик в государственной машине. Да и сам человек в эпоху активного развития механики сравнивался с машиной. Кроме того, иосифлянская доктрина, рассматривая вопрос об отношении между государством и церковью признавала неоспоримое верховенство светской самодержавной власти над церковью. Церковь же должна была взять на себя идеологические функции по пропаганде и охране существующей власти, а взамен потребовать материальных льгот и помощь от государства в борьбе с инакомыслящими. «В своём классическом виде в России иосифляны всегда выступают как защитники монастырской и церковной собственности, а также пышного культа, богатых одежд для духовенства» [7, с. 401].

Федотов Г.П. сделал едкое замечание: «Трижды отрекалась Русь от своего древнего идеала святости, каждый раз обедняя и уродуя свою христианскую личность. Пер-

вое отступничество – с поклонением Фелофея, второе – с Петром, третье – с Лениным [15, с. 48-49].

С другой стороны, противоборством и спасением от морального и физического унижения монахов явились идеи нестяжателей. Однако, к XVIII веку о Ниле Сорском не помнили, а Максим Грек почитался лишь в пределах Троице-Сергиевой Лавры. При этом, молебны Иосифу Волоцкому, как канонизированному русскому святому, возносились по всей просветительской Руси. Раскол русского национального сознания внутри православных в связи с никонианской религиозной реформой привёл к гонению на старообрядцев в конце XVII – первой половине XVIII века. Заметим, духовные гонения только усиливали дух гонимых и разлагали души гонителей. Такая борьба противоположных сил показала, что среди умных церковных служителей зрела мысль о том, что преследуются честные русские люди, молящиеся по обряду, по которому изначально молились Сергей Радонежский и другие православные святые.

Тем не менее, единство противоположных сторон – светской и религиозной, обозначилось в том, что в эпоху русского Просвещения был укреплен, начатый создаваться Петром I прочный фундамент материально-технологического бытия. Любой образованный человек уже мог осознать, что через мирную колонизацию и войны Россия расширилась до естественных границ России – Евразии. Она, политически и технологически являясь Западу и Востоку, утвердилась в качестве мировой державы, определяющей судьбы истории. Именно в это время формировалась структура централизованного государственного управления с профессиональным бюрократическим аппаратом и соответствующей законодательной основой.

При этом, жёсткая верховная власть породила жёсткую сопротивленческую анархию – по-разински казацкую, по-пугачевски крестьянскую и другие, помельче. Человек, униженный и лишенный возможности формироваться как личность, либо бунтует, либо психологически ломается. Поэтому в екатерининскую эпоху в просвещённых кругах формируется социально-философский категориальный аппарат: «общее благо», «свобода народа», «русский патриотизм».

Как видим, противопоставление светского религиозному, анализ их в едином материально-духовном, с социальной подоплёкой мире, представляет, по сути, отправную точку его дуальности. В дуальном мире всё делится на противоположности, а каждая из противоположностей содержит в себе зерно противоположного начала: в добре содержится зло, а в зле – добро. В историко-философском аспекте «Дуализм – учение, в котором материальная и духовная субстанции считаются равномерными [6, с. 444]. Добавим: «Дуализм культуры –

рассмотрение материальной и духовной культуры как двух противоположных, но тесно связанных основных элементов культуры [16, с. 140].

Дуалистический характер просвещенческого мышления выразился в вопросе о соотношении веры и разума (науки, прежде всего). Он конкретизируется в воззрении основоположника отечественной науки и естествознания М.В. Ломоносова, который выразительно написал о «двух книгах»: «Человек постигает истину только в изучении «Книги природы»; за Священным Писанием сохраняется функция нравственно-религиозного наставления... Создатель дал роду человеческому две книги. В одной он показал своё величество, а в другой свою волю. Первая – видимый мир, им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его зданий, признал божественное всемогущество... Вторая книга – Священное Писание [10, с. 357-358].

Подобная двойственность обнаруживается также при анализе человека в трактате А.Н. Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии». Это основной философский труд мыслителя, в котором пересекаются идеи двух философских противоположных систем; материалистической, выраженной в научном творчестве английских (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Локк) и французских материалистов XVIII в., с идеями немецких идеалистов (И. Г. Гердер, Г. В. Лейбниц).

Нам представляется, что дуальное видение человека, зародившееся в западном Просвещении, не могло не сказаться на русском философствовании. Но в русском Просвещении оно обустроилось, связалось с глубинной ментальностью и осозналось не только в философских, исторических и культурфилософских произведениях.

Например, у Н.М. Кармазина в «Письмах русского путешественника» отмечены в человеческой природе две уживающиеся «противные» склонности: одна из них влечёт к новизне, другая – к традиции. Первая связана с любовью к новостям, другая – с привычками. Карамзин справедливо замечает, что человек считает себя счастливым, когда «сии две склонности равносильны», а мы и сегодня можем утверждать то же самое. Поэтому нас так волнуют мысли русских просвещенцев. Они через дуальность в мировоззрении открывали дуальность во внутреннем мире человека. Мы же, современные исследователи, живущие в XXI веке, уловив этот вектор, уже уверенно утверждаем: институт познания – базовый культурный архетип. Мы, изучая человека, познаём его естественные творческие склонности, то есть способности человека создавать второй мир, имеющий или не имеющий аналога в действительности.

Стоит отметить, что русские просветители второй половины XVIII века проблему человека рассматривают как

«комплексную, т.е., связанную с социальной сущностью» его интересов [4, с. 26-27]. Емельянов Б.В. ссылаясь на Я.П. Козельского, подчеркивает: только находясь в обществе, человек может достигнуть «божественности» и «достойности» на земле. Нельзя не согласиться с тем, что утверждение «величия» человека было идеологически направлено против масонства. Можно предположить, что просветительская идеология в XVIII веке была чуть ли не единственной силой, способной противостоять религиозно-мистическим взглядам масонов на человека.

Подкупают воззрения русских просветителей на роль труда в естественной (физическая сила) и социальной жизни человека (соотношение личного и социального). В этом, опять же, прослеживается его дуальность. И в этом единстве противоположностей уже просматривается вопрос, которым задалась просветительская философия. Он состоял в том, как разрешить противоречие между естественными свойствами человека и неестественностью общественных отношений, искажающих сущность человека?

С XVIII века активизируется журнальная деятельность. Мыслители эпохи Просвещения по-разному отвечали на этот вопрос. Так, дискуссия о приоритетах природного или социального в человеке развернулась на страницах журнала «Живописец», где А.Н. Радищев и Н.И. Новиков отстаивали идею примата естественного в человеке, другие (Я.П. Козельский) отстаивали верховенство социального, которое касается и отдельного индивида, и общества, в котором он живёт. Русский просветитель Я.П. Козельский, не соглашаясь с антиисторизмом, пишет: «Господин Руссо думает, что полезнее было для человеческого рода, чтобы не знать ему наук и жить бы натурально, с которым мнением и я согласен в рассуждении того, что по истории видно, что до коих пор народы простее. то до тех пор были они добродетельнее и потому благополучнее, и думаю, что неблагополучие человеческого рода произошло от вскушения запрещённого плода, то есть от явственного познания, что есть добро и что худо; но следовать сему мнению тогда было хорошо, когда еще весь род человеческий был в натуральной простоте, а в нынешнем состоянии учёного света, ежели б какой народ вздумал не учиться, то другие неучёные народы в краткое время и с великим аппетитом его скушают...» [9, с. 414].

Но у Козельского ещё нет радикального решения данного философского вопроса. Его предложил Радищев. Теории естественного права и общественного договора дали ему возможность рассмотреть возможные взаимосвязи человека и среды, человека и общества. В знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву» он пишет: «Человек рождается в мир равен во всём другому... Но он кладёт оным преграду... – становится гражданином» [14, с. 51-52]. Философ полагает, что принятие гражданства не даёт оснований одному человеку вла-

ствовать над другими. Очевидно, что исходные посылки в решении дуальности человека у Радищева те же, что у большинства русских просветителей второй половины XVIII века – он отвергает масонское представление о «злой» сущности человека и его исправлении через самопознание и самовоспитание. Радищев же, анализируя способы освобождения человека, утверждает право угнетённого народа на борьбу против насилия революционным путём.

Интерес к антропологической проблематике – это не только характерная черта второй половины XVIII столетия. Антропологическая тематика всегда – начиная с Киевской Руси – была ведущей проблемой философских исканий русских интеллектуалов. Действительно, «... общепризнано, что «загадка о человеке» была важнейшей проблемой русской мысли, делая ее антропологически ориентированной. Она неизменно оставалась в центре философских размышлений русских мыслителей, была открыта для всех влияний, жадно искала, находила и перерабатывала, а иногда и с порога отрицала, любые новации западной и восточной мысли, будь то писания отцов церкви, масонство, вольтеррианство, фейербахианство или же ницшеанство» [5, с. 78]. Человек, его место в мире, судьба – это темы, без которых представить себе русское Просвещение невозможно.

Для эпохи русского Просвещения характерен, прежде всего, общий процесс секуляризации русской культуры, одним из важнейших признаков которого стало становление этико-философского сознания, определение предмета этики как философской науки, понятийное структурирование морального сознания [11]. Русское Просветительство, как и всякое другое национальное, не было и не могло быть простым подражанием, воссозданием идеологии французского Просвещения. Поскольку русское Просвещение являлось разновидностью международного феномена, то в нем нашли отражение основные черты, характерные для Просвещения вообще, моделью которого является классическое французское Просвещение [12].

Помимо того, у русской просветительской мысли в отличие от западноевропейского Просвещения менее заметен антиклерикализм, тем более атеизм. Российским просветителям не нужно было доказывать необходимость ограничить могущество церкви, поскольку монархи (Петр I и Екатерина II) значительно подорвали

суверенитет духовенства. Религиозное мировоззрение не отвергли, а лишь пересмотрели, при этом оставаясь глубоко верующими людьми. Сохранение религии обусловлено тем, что русские просветители не были готовы к полному отказу от прошлого. Многие из них отстаивали идею исторической преемственности культуры человечества, обладающую ценностями, приобретениями в течение тысячелетий.

Кроме того, религия и церковь, которые подвергались критике мыслителями петровской эпохи, в следующие десятилетия были снова и определенной степени восстановлены в качестве одного из основных устоев общественной жизни. Секуляризованная, переставшая базироваться целиком на религиозном мировоззрении, культура высших слоев общества XVIII века все же сохранила большое место для религии православной церкви. Это было и неизбежно политически в условиях абсолютистского полуфеодального государства, и в то же время соответствовало подлинному строю мировоззрения даже самых передовых людей того времени. Идеалы совершенства общественных отношений просветители XVIII века связывали с гармонией духовной и светской власти.

Таким образом, если рассматривать сущность человека эпохи Просвещения в целом, не останавливаясь на особенностях национальных проявлений, то можно говорить о том, что в данную эпоху произошло постепенное становление нового мировоззрения, по которому мир представлялся как целостная система человек-природа. Если в средние века человек, прежде всего, оставался божьим творением, призванным исполнять высшую волю, то в новую эпоху ощущение собственного незаурядного «Я» становится критерием ценности жизни. В этот период продолжается начатое в эпоху Возрождения личностное развитие, и философия начинает размышлять о духе как начале, объединяющем индивида с миром и обществом. По словам И.Ф. Волкова: «На этой общественно-исторической основе... сложился особый, романтический тип духовного и духовно-практического освоения жизни, основную особенность которого составляет расчет на отдельную человеческую личность как на самоценную силу...» [3]. И даже музыка, переживавшая в эпоху Просвещения небывалый взлет, отражала идеалы просветителей: в опере Моцарта «Волшебная флейта» отчетливо выражается представление о человеке как о венце Природы, звучит культ света и разума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бепольская И.А. Французское Просвещение: особенности развития, мотивы, образы. Воронеж, 2001.
2. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. М., 1999.
3. Волков И.Ф. Творческие методы и художественные системы. М., 1978.
4. Емельянов Б.В. Русская философия как человековедение. Екатеринбург, 2014.

5. Емельянов Б. В. Русская философия как человековедение: избранное. Екатеринбург: УрГУ, 2014.
6. Ермаков В.С. Справочник по истории философии: хронологический, персонифицированный. Санкт-Петербург: Союз, 2003.
7. Иванов А.В. Скрижали метаистории. Творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул: АлтГТУ им. И.И. Ползунова, Фонд «Алтай-21 век», 2006.
8. Капура А.В. Парадоксальность человека // Вестник Российского философского общества. 2013. № 3. – С. 94-100.
9. Козельский Я.П. Философические предложения // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. В 2 томах. М., 1952. Том. 1.
10. Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М., 1950.
11. Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980.
12. Мольш С. Современная французская философия: исторический очерк: от 1789 года до наших дней. М., 1964.
13. Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. М., 1993.
14. Радищев А.Н. Избранные философские произведения. М., 1952.
15. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. М., 2005.
16. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону, 1997.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Ан Светлана Андреевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»